

- ²⁷ Willermi Tyrensis Historia... Lib. 7. Cap. 5.
- ²⁸ Ibid. Lib. 7. Cap. 6.
- ²⁹ Ibid. Lib. 7. Cap. 5.
- ³⁰ Ibid. Lib. 4. Cap. 5.
- ³¹ Ibid. Lib. 7. Cap. 5.
- ³² **Урхайеци Маттэос**. Хронография. С. 275.
- ³³ Там же. С. 294.
- ³⁴ Alberti Aquensis Historia... Lib. 19. Cap. 12.
- ³⁵ **Урхайеци Маттэос**. Хронография. С. 308.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 231.
- ³⁸ **Аноним**. Р. 83—84.
- ³⁹ См.: **Idem**. Р. 92.
- ⁴⁰ **Урхайеци Маттэос**. Хронография. С. 325—326.
- ⁴¹ См.: Там же. С. 326.
- ⁴² В тексте калька с греческого «эпистасия», что показательно для города, с 1031 г. входившего в состав Византии.
- ⁴³ **Dowsett C. J.** A twelfth century Armenian inscription an Edessa // In Memoriam Vladimir Minorsky. L., 1971. Надпись известна нам по публикации: **Segal J. B.** Edessa. «The Blessed». City. Oxford, 1970. P. 236. Not. 1.
- ⁴⁴ См.: **Урхайеци Маттэос**. Хронография. С. 352.
- ⁴⁵ См.: **Степаненко В. П.** Ишханы Эдессы и внешнеполитическая ориентация города в 70-е гг. XI—начала XII в. // ВВ. 1984. № 45. С. 87—94.
- ⁴⁶ См.: Там же.
- ⁴⁷ **Аноним**. Р. 83.
- ⁴⁸ См.: Michel de Syrien, patriarche Jacobite d'Antioche (1166—1199) Chronique / Ed. et trad. par J.-M. Chabot. P., 1905. T. 3. P. 262.
- ⁴⁹ **Kamal ad din**. Chronique d'Alep // RHCori. T. 3. P. 687.
- ⁵⁰ **Syrien Michel de**. Chronique. P. 270.
- ⁵¹ Ibid. P. 272.
- ⁵² Ibidem.

*С. Н. МАЛАХОВ
Ленинградский университет*

ИОАНН КИННАМ И СОЦИАЛЬНЫЕ НИЗЫ ВИЗАНТИИ XII в.

Историческое сочинение Иоанна Киннама «Сокращенное изложение» зарекомендовало себя как достоверный источник по истории внутренней и внешней политики Византийской империи XII в., несмотря на открытую апологетику ее главного героя Мануила I Комнина (1123(?)—24.09.1180). Произведение Киннама дошло до нас в единственной рукописи (Cod. Vatic.gr. 163) XIII в. и ряде более поздних копий с этого списка¹. Византинистов «Сокращенное изложение» интересовало прежде всего как источник по международным отношениям и внутренней политике правительств Иоанна II и Мануила I Комнинов.

Идеологическая направленность сочинения Киннама, его социально-политические взгляды и мировоззрение историка в целом в контексте византийской культуры XII в. остаются далеко неясными. Не затрагивая в настоящей работе всей совокупности этих сложных проблем, обратимся к одному вопросу: восприя-

тию Иоанном Киннамом социальных низов Византии, что, как представляется, поможет уточнить социальные симпатии историографа и реконструировать некоторые стороны его политической концепции.

Развитие феодальных отношений в Византийской империи XI—XII вв. проходило в условиях острых социальных и политических конфликтов. Соперничество за политическую власть между группировкой столичной знати и провинциальными феодальными кругами к концу XI в. заканчивается временной стабилизацией. Комниновская династия (1081—1185) опирается главным образом на своих родственников и свойственников, почти в равной степени ограничивая права столичной и провинциальной аристократии, если их представители не входили в число приближенных. Внешнеполитические успехи на Востоке и Западе достигались за счет мобилизации всех людских, военных и финансовых ресурсов. Официальная пропаганда восторженно приветствовала успехи Мануила Комнина в реставрации юстиниановских границ Ромейской державы, но предпочитала умалчивать, какой ценой приходилось возрождать «триумфальные времена Ираклиев и Юстинианов»². По словам современников, император «как виноградную лозу обирал своих подданных»³.

Иоанну Киннаму суждено было стать историографом событий этого времени. Биографические данные о нем скудны. Он родился, очевидно, после 1143 г. Начал службу императорским секретарем (*basilikos grammatikos*) при Мануиле I (Joan.Cin. 5.6—9), сопровождая василевса в походах. Армейская жизнь была более понятна Киннаму, чем придворные интриги. Если верить его словам, то в царских палатах ему доводилось бывать нечасто (Ibid. 192.14—22). С военным делом он был знаком как профессионал, и это отразилось на его этическом идеале, стиле и сюжетах истории⁴. Византийское общество автор воспринимал через призму армейского социума, а политические успехи и победы империи — через военные операции византийской армии. Общественные взгляды Киннама во многом определялись как его принадлежностью к знатному малоазийскому роду, в XII в. полностью перешедшему на гражданскую службу⁵, так и социальным статусом служащего императорской канцелярии. Иоанн чувствовал себя своим как среди военных, так и гражданских чинов, искусно владел пером и мечом, с равной эрудицией мог писать о военных хитростях и спорить о богословских премудростях.

Должность и чин грамматика в императорской канцелярии считались современниками одними из низших в правительственном аппарате. Но это не помешало именно с этой должности начать успешную политическую карьеру Михаилу Пселлу⁶ и Никите Хониату⁷. На этой должности разбогател современник Иоанна Григорий Каматир, который собирал подати с провинций (*tas eparchias*) и стал затем *epi tou kanikleiou* и Болгарским

архиепископом (Nis. Chop. 13.23—14.3; 355.11—12)⁸. Другой современник, известный ритор Григорий Антиох, бывший также при Мануиле I императорским секретарем⁹, в слове к Константину Ангелу вспоминал, что при Мануиле он «взбирался по чиновной лестнице от низкого положения к высокому, от сидящих на последних скамьях к восседающим впереди»¹⁰. Закономерно, что Антиох свою службу грамматиком воспринимает как низкую по чину, а себя — не более как рабом, царским человеком, одним из многочисленных слуг во дворце.

В отличие от Григория Антиоха и Григория Каматира Киннам, вероятно, в чиновные верхи не продвинулся, и его карьера при дворе явно не удалась. По крайней мере еще при Андронике I Комнине (1183—1185) Никита Хониат в «Сокровищнице православия» упоминает о Киннаме как «одном из ученых секретарей царского двора»¹¹, принимавших участие в богословском споре. Этот диспут с Евфимием, епископом Новых Патр, едва не закончился гонениями для Иоанна. Андроник I не одобрял «обычая спорить о божественных догматах» (Nis. Chop. 430.17—431.4). Написав историю в зрелом возрасте, между 1180—1183 гг., Киннам пережил последнего Комнина, но удалось ли ему подняться вверх по чиновной лестнице, неизвестно. По данным К. Крумбаха, историк был еще жив при Исааке II Ангеле (1185—1195), обращался к нему с речью, а скончался, видимо, около 1203 г.¹² Длительное пребывание историка в роли «маленького» человека при императорском дворе, безусловно, наложило отпечаток на его социальное восприятие.

На основании каких принципов историк производит разделение современного ему общества на господствующий класс и социальные низы? При описании структуры византийского общества в центре его внимания закономерно оказываются прежде всего господствующие слои. В государственном аппарате Иоанн выделяет гражданскую и военную службы. Если первой преимущественно занят василевс, то второй — стратиги (Joan. Cin. 96.4—6). В основе чиновной иерархии правящего класса Византии Киннам выделяет два принципа: степень родовитости, зависящую от родственной близости к императорской фамилии, и важность чина в управленческом аппарате государства (Ibid. 206.4—5). Социальные низы Константинополя принимают активное участие в политической жизни столицы, хотя и находятся в оппозиции к правящим верхам. Это противостояние видит историк. В свадебном празднике Мануила I принимают участие вельможи, патриархи и народ (Ibid. 211.7—9).

Наиболее общие принципы стратификации социальных низов раскрываются историком при оценке общественных структур сопредельных государств. По византийскому образцу он делит на сословия «варварское» общество. Вышедшие встречать Мануила I гунны делятся им на клир, охлос и демос (Ibid. 221.3—5). В среде крестоносцев, освобожденных Нур-ад Дином в 1159 г.,

выделяются «знаменитейшие», «благородные» и «охлос» — простой народ (Ibid. 188.9—14). Эпизодически в «Сокращенном изложении» упоминаются профессиональные группы населения, составлявшие низы византийского общества: это прежде всего земледельцы (Ibid., 232.22; 234.14—15), затем торговцы и «люди других занятий» (Ibid. 298.16). Среди граждан Константинополя выделяются толпы простонародья, положение которого отличалось крайней нуждой (Ibid. 275.15—17).

Киннам видит социальное неравенство в обществе, но в его понимании оно скорее обуславливалось и определялось степенью причастности к государственной службе и сопрягавшимся с ней имущественным положением, т. е. факторами политико-потестарного характера, а не социально-экономического. Право властвовать над подданными в определенных пределах дают чин и должность, а не деньги. Автора возмущает поведение венецианских купцов, которые нарушают этот политический таксис Ромейской державы. Разбогатева на торговле в греческой столице, они обращаются как с рабами не только с представителями из народа, но также с теми, кто был отмечен званием севаста и даже пользовался у ромеев большими почестями (Ibid. 281.7—10).

Описание социальной структуры византийского общества полностью зависит, считает историк, от конкретных событий, привычных ритуалов и обычаев. Низы византийского общества в целом не вызывают социальных симпатий историка, но у него отсутствует и открытое порицание народных масс, так ярко проявляющееся даже на уровне социальной терминологии у Хониата (Nic. Chop. 157.7—15; 176.13—15; 302.10—11).

Народные массы Иоанн разделяет на демос и охлос. За терминологической неоднородностью, очевидно, скрывалось различие в политических правах и социально-экономическом положении определенных слоев трудящихся. При изложении событий итальянской кампании Мануила I термин «демос» употребляется как условный. Автор подразумевает под ним горожан (Joan. Cin. 161.1—7) и даже, вероятно, апулийских рыцарей, нанмававшихся в византийское войско (Ibid. 171.3). Социальная терминология Киннама, разумеется, нуждается в дальнейшем уточнении, но следует заметить, что под демосом Иоанн, вероятно, подразумевал политически активные средние городские слои, а под охлосом — скорее всего городской плебс.

Анализ структуры византийского общества подчеркивает пристальное внимание историографа к чиновной и военной аристократии, группировавшейся вокруг династии Комнинов, и пренебрежение к низам общества. Социальные верхи (*top epi doxes*, *top epifanesteron* — Ibid. 6.1—2; 59.3; 62.13; 68.19—20; 70.4—11) связываются в авторском понимании с государственной службой, обладанием высоким чином, той или иной степенью публичной известности. Однако историк не отказывается полностью от понятия родовитости в характеристиках персонажей.

В этом вопросе позиция его несколько двойственна. Политические деятели, военачальники, дипломаты, представители знати характеризуются как со стороны их личных способностей (Ibid. 70.6—8; 94.17—18; 108.21—23; 151.20; 293.9—18), так и со стороны их генеалогии (Ibid. 11.18—19; 95.19—21; 108.15—16), хотя последнее встречается реже. Мануил I к своим соратникам обращается со словами «мужи родовитые» (*andres gennaioi*—Ibid. 26.4). Родовитость, чиновность и богатство часто сопутствуют друг другу (Ibid. 12.19.67; 21; 22; 95.19—21). Подлинная знатность, в понимании Иоанна, всегда сопрягается с родовитостью, а безродные, выходящие из социальных низов, даже пробившиеся в придворные круги, вызывают антипатию у историка.

Наиболее ярко эта тенденция находит выражение при характеристике «выскочек» из народа в среде чиновной знати и прослеживается на уровне констатации фактов из их биографий. Это ипограмматик Иоанн II Фома, человек незнатного происхождения (Ibid. 19.14—20), хартулярий Василий из незнатного дома (Ibid. 132.3; 133.3). Характеризуя этих двух политических деятелей, Киннам выделяет их бездарность и недалёковидность: такие слуги приносят только хлопоты и беспокойство императору, нарушают его замыслы. Недовольство безродными наиболее открыто раскрывается у историка при описании карьеры евнуха Фомы. Выходец с о. Лесбос, потомок незнатного дома, он вознесся к «высотам чиновного положения» посредством одного из самых «низких ремесел» — кровопускания — и нажил огромное состояние; на милости императора отвечает злоумышлениями и свою жизнь заканчивает в тюрьме (Ibid. 296.15—297.16). Таким образом, безродные лица отличаются своекорыстием, карьеризмом и неблагодарностью, не справляются ни с военными, ни с дипломатическими поручениями.

Складывается впечатление, что Иоанн не сторонник, а противник присутствия при императорском дворе чиновников из «неблагородных» фамилий; правда, историк не афиширует это, подобно Хониату, но принадлежность к знатному роду является у него одним из достоинств, которые отделяют правящую элиту от народных масс. Даже нищенское рубище (*penetos schemati*) не может скрыть благородного происхождения (Ibid. 17.1).

Основная функция социальных низов в политической жизни Ромейской державы — служение императору. Разделение Киннамом византийского общества на господ, с одной стороны, рабов и слуг, с другой, естественно и традиционно. Подданные империи должны почитать за честь служить византийскому автократу, властвующему над ними «от бога» (*theothen*—Ibid. 93.24). Отношения между правителем и подданными основаны на определенных взаимных условиях, которые обеспечивают социальный мир и взаимное благорасположение. Так, варвары, ставшие слугами императора, должны выполнять волю василевса согласно заключенному договору (Ibid. 137.19—20) и общать-

ся со своим господином «по-рабски» (Ibid. 196.17). Забота же василевса о подчиненных выступает одним из главных компонентов его идеального политического поведения. Служба и покорность подданных оплачиваются защитой и заботой господина о подчиненных. Но невыполнение условий этого политического договора императором влечет только моральное наказание: «Постыдно пользоваться подданными во время благоденствия и не заботиться об их спасении, когда они находятся в худших обстоятельствах» (Ibid. 230.5—7). Киннам допускает правомочность критики действий императора «снизу» — представителями народа — путем аккламаций (Ibid. 93.17—24), но эта критика не должна нарушать этикет социальной покорности и подаваться с соблюдением политической иерархии.

Историк прекрасно осознает причины антагонистической ненависти, существующей извечно между господином и рабом, и даже признает законность бунта со стороны того, на кого «ярмо служения» возложено насильно, но тем не менее настаивает на наказании раба, идущего войной против своего господина. Иоанн не находит ни морального, ни правового оправдания для «добровольных рабов», варваров-лидзиев, посягающих на нарушение вассальной верности византийскому императору (Ibid. 223.2—6).

Отношения господства и подчинения осмысливаются автором в категориях «свобода» и «рабство». Семантика этих понятий не была однозначна в этико-политической мысли византийского общества. Если патриарх Николай Мистик в X в. за свободу (*heleutheria*) принимает состояние прямо противоположное «податному рабству» (*ten tou demosiou douleian*)¹³, то Михаил Пселл в середине XI в. под свободой скорее всего подразумевает политические права и привилегии господствующего класса. Он рядопологает благородство и свободу. Лицам, принадлежащим к «благородному и свободному сословию», противостоят чужеземцы и варвары¹⁴. Свобода народа в государстве воспринимается Пселлом как ущемление свободы аристократии. Михаил V Калафат хотел «большинство вельмож лишить принадлежащей им власти, а народу дать свободу»¹⁵.

Современник Киннама Никита Хониат часто склонен риторически трактовать свободу в этико-религиозном аспекте. Благородство нрава и щедрость души (*to eugenes tes gnomes kai eleutherion*) по отношению к нуждающимся могут с лихвой перекрыть незнатность рода (Nic. Chon. 14.18—21). Христиане всегда свободны по сравнению с мусульманами, потомками рабыни Агари (*tes doulidos ekpodon* — Ibid. 93.13—15). В истолковании проблем свободы и рабства Хониат стоит ближе к Пселлу, чем к Киннаму. Мануил I у Хониата во многом выступает не хранителем свободы, а разрушителем традиционных политических порядков в государстве. Отстаивая политические и имущественные интересы византийской элиты, Хониат осуждает порочную практику василевсов «обращаться со свободными

людьми как с рабами» (*hos doulois tois eleuterois prosferesthai* — Ibid. 274.12). Аристократическое происхождение «свободных» Хониат подтверждает тем, что они были близкими подданными Мануила (Ibid. 79.23 — 80.3), а цари часто обращаются как с невольниками с теми, кто достойнее их царствовать (Ibid. 187.1 — 6). Хониат склонен рабство связывать с трудностями служения иноземным правителям. Жители острова Керкиры, «спасаясь от дыма уплаты податей» императору, «по своей глупости попали в пламя рабства» (*toi tes douleias empesontes puri*) к норманнам (Ibid. 97.3 — 20). В целом у Никиты Хониата складывается отрицательное отношение к *douleian*. Киннам же, напротив, акцентирует внимание читателей на достоинствах и выгодах службы византийскому автократу. Он приветствует персов, которые независимости (*eleutheria*) предпочли рабство (*douleian*) и перешли на службу к императору, удостоившись царского благоволения (Joan. Cin. 13.20 — 24). Служба василевсу рассматривается им даже как подлинная свобода (Ibid. 41.16). Под термином «*douleia*» историк понимает как рабство, так и служение, выражая этим понятием отношения господства и подчинения, складывавшиеся между василевсом и его подданными (Ibid. 21.10 — 12; 186.7; 223.2 — 6). Освобождение ромеев, поработенных (*douleuonta*) турками-сельджуками, делает честь царю, а возвращение под власть Византии горожан Бари сопровождается обретением «богатства и свободы» (*ploutou kai eleutherias* — Ibid. 139.17 — 18).

Если служение византийскому императору воспринимается автором как свобода и является единственно достойным видом подданства для ромейского гражданина, то служение за плату представителям чиновной или военной аристократии представляется ему «наихудшим невольничеством». Он резко осуждает «нелепейший обычай», вынуждавший свободных ромеев наниматься (*misthou ten eleutherian apodosthai*) на службу к «превосходным», знатым и богатым. Свою свободу продавали знати социальные низы (*aglaiotines kai ochlikoi*). Обычай, утвердившийся в Византии, видимо, аналогичный западноевропейской коммendaции, вызывает резкую критику со стороны императорского секретаря. Иоанн порицает зло человеческого «любоствания» (*pleonexia*) и рисует тяжелую участь бедняков, продавших свою свободу «едва ли за три обола»: с ними обращаются как с рабами, желающих расторгнуть договор и вернуть деньги «приработкой» (*ergasia*) наказывают как беглецов. Киннам осуждает «постыдный торг» людьми и одобряет указ Мануила I против «жестокости обычая» частной службы, считая вполне законным стремление императора быть повелителем свободных ромеев, а не рабов (Ibid. 275.10 — 276.9). Киннам по сравнению с Хониатом своеобразен не только в понимании проблемы «свобода — рабство», но особенно в том, что отстаивает свободу не верхов, а низов Византии.

Безусловно, рассуждения Киннама о свободе и рабстве несут определенный оттенок политической демагогии. Представитель низших слоев придворного чиновничества, Иоанн истинную свободу видит только в беспрекословном и преданном служении византийскому василевсу. «Обрастание» столичной знати клиентами, слугами и зависимыми людьми из народных низов приводит к ослаблению императорской автократии и усилению политической нестабильности. Таким образом, одобряя ликвидацию «жесточкого обычая», Киннам заботится не только об улучшении положения народных масс, но и об упорядочении власти династии Комнинов.

Иоанн в духе византийских историографических традиций отмечает низкий уровень политического сознания народных масс, их неорганизованность, преобладание чувственных порывов над рассудком. Столкновение византийцев и крестоносцев Конрада III он приписывает «безрассудству толпы» (Ibid. 71.4) и одобряет действия василевса, пославшего полководца Просуха сдерживать «беспорядочные» намерения толпы, пытавшейся защитить себя от грабежа со стороны «аллеманов» (Ibid. 71.8). В эпистолярной полемике между германским королем и византийским василевсом, которую разворачивает на страницах своего произведения историк, защищается невиновность ромеев в начавшейся конфронтации с крестоносцами. Он подчеркивает признание Конрада III в том, что его войска, вышедшие из подчинения (Ibid. 76.10), грабят население, и соглашается с мнением Мануила I о том, что наклонности толпы не поддаются управлению и необузданны (Ibid. 76.16—17). «Своеволие толпы» трудно укротить, позволив ему однажды вырваться наружу (Ibid. 78.11—12). Выход из назревшего военного конфликта Киннам видит в сдерживании войск с обеих сторон (Ibid. 78.19—20). Однако это не мешает ему угрожать крестоносцам «безудержностью» ромейского охлоса (Ibid. 77.3—4), в действиях которого историограф видит серьезную силу в борьбе против иноземцев.

Как ни привлекательны для историка патриотические волнения народных масс, направленные против латинян, ему более симпатичен социальный порядок, а не «замешательство», которое часто происходит в армии (Ibid. 55—19). Армия, не повинующаяся стратегу, уподобляется им коню, не слушающемуся узды и низвергающему себя вместе со всадником в бездну. Но более опасно, что войска, не повинующиеся полководцу, подвергают опасностям правителей (Ibid. 78.3—7). Эти мысли автора можно в полной мере отнести и к поведению народных масс.

Для Киннама характерно отсутствие презрения к горожанам, что, видимо, составляет одну из особенностей его социальных взглядов. Он не пытается показать своего профессионального превосходства над горожанами, которые пытаются заняться военным делом. Женщины Константинополя и часть «невооружен-

ного и неопытного народа» с завидным мужеством и любопытством наблюдают готовящееся нападение на столицу крестоносцев (Ibid. 75.6—10). Правда, в одном месте своего сочинения он высмеивает трусость и склонность к панике горожан в военной обстановке, но это относится не к ромеям, жителям Брундизия (Ibid. 161.1—7). В более сдержанных тонах, чем это делает историк-аристократ Никита Хониат, Киннам описывает столкновение народных масс Византии с крестоносцами. Если у Киннама народ выступает жертвой «алчных» аллеманов, то Хониат обличает константинопольских горожан и торговцев в коварстве, жадности и жестокости по отношению к крестоносцам (Nic. Chon. 88.10—89—10).

Очевидно, взгляды Киннама и Хониата на социальные низы и торгово-ремесленные слои столицы были противоположны. Хониат использует любую возможность, чтобы показать горожан с негативной стороны. Даже непременно участие народных толп (*ton ochlon*—Ibid. 23.16—21) в провозглашении императоров не может изменить его отношения к «городским глупцам». Так, по мнению Хониата, следует называть народ Константинополя (*outo gar ton Constantinopoliten demon kalein*—Ibid. 350.13—14). «Скопище черни» (*sygkludes ochloi*), населяющей столицу, является для него воплощением легкомыслия, жадности, политической неверности, неуважения к властям и других врожденных пороков (Ibid. 12.5—7; 40.13—14; 97.10—20; 304.20—305.6; 456.13—24). С открытой антипатией Хониат отзываясь о ремесленных слоях города и «людях, покрытых сажей»: кузнецах, сапожниках, кожевниках, колбасниках, серебряных дел мастерах (Ibid. 6.22—25; 157.7—15; 456.13—24).

Наиболее ярко противостояние двух историков в оценке деятельности горожан проявилось при описании сюжетов итальянской кампании Мануила I. Киннам стремится показать преданность и ромейский патриотизм жителей Бари и Анконы. Случай подкупа горожан противником он использует не для обличения жадности городского населения, но как свидетельство власти золота над людьми: «для людей нет ничего обольстительнее золотой приманки» (Joan. Cin. 139.17—22). Страсть к золоту — порок общечеловеческий. Золото, словно стена, разделяет людей, «недавно соединенных природой и образом мыслей», на враждебные стороны (Ibid. 140.1—6). Киннаму импонируют действия горожан, которые разрушают акрополь в центре города, напоминающий о тирании Рожера, несмотря на деньги, которые предлагали византийские стратеги, намеревавшиеся купить это укрепление в целях обороны (Ibid. 140.22). В данном случае свободолюбие горожан одерживает верх над корыстью.

Как пример верного служения василевсу Киннам описывает действия знатной и богатой итальянки, хранившей «дружбу к ромеям», которая собрала ополчение на свои средства для оказания помощи Анконе в борьбе против немцев и венецианцев

(Ibid. 288.5—290.13). Хониат тоже подчеркивает верность и «врожденное сознание добра», присущее анконцам, но все-таки не может удержаться от резкого обличения жадности городских масс. По его словам, «они из корыстолюбия, по привычке нищенствовать и протягивать руку за подаванием, оставили того, кого вчера и третьего дня называли своим властелином, и последовали за другим, кто польстил их алчности и потакал их корыстолюбию и торгашеским расчетам» (Nic. Chop. 264.1—24). Таким образом, если Киннам считает горожан беспомощными жертвами «золотой приманки», то Хониатом они изображаются корыстолюбивыми по природе.

Киннам — горячий сторонник военной реформы Мануила I, которая открыла доступ социальным низам в византийскую армию. Комнины стремились привлечь на военную службу выходцев из демократических слоев населения, иноземцев, расширив, таким образом, прослойку мелких и средних феодалов, формировавших служилое сословие, одну из опор правящей династии. Хониат резко критикует прониарную систему Мануила I, которая, по его словам, привела к тому, что в армию зачисляли «всякого желающего», наделяя «десятинами орошаемых и плодородных земель, а также податными ромеями» (Ibid. 273.3—274.6). Безусловно, риторическую запальчивость Хониата следует воспринимать критически. В армию шли прежде всего состоятельные крестьяне, ремесленники, представители торгово-предпринимательских кругов. Именно эти слои населения для многих современников Киннама олицетворяли социальные низы, присутствие которых в армии было нежелательно. Причем если Хониат высокомерно порицает слабость византийской армии и причину этого видит в возможности любого из народа вступить в войско, то Киннам гордится ромейским мужем, «который превзошел в умении владеть конем германцев и итальянцев» (Joan. Cin. 125.12—13).

Иоанн высоко оценивает боеспособность ромейского войска, которое по знанию военного дела и твердости в сражениях превосходит крестоносцев (Ibid. 77.10—13). Причем это не мешает историку с явным неудовольствием отзываться об армейских «низах»: пехотных тагмах, набравшихся из обедневших стратиотов. В отличие от подразделений катафрактариев, составлявших ударную силу византийской армии, пехотой командуют малоизвестные военачальники, отмечает историк. Эта «негодная» и «рабская» часть войска часто терпит поражения без поддержки конницы, занимается грабежом (Ibid. 54.13—18; 71.13—14; 244.2—6). Хониат еще более резко отзывался о пехоте как о «негодных» ромеях, руки которых более привычны не к оружию, а к разбою (Nic. Chop. 84.17—21).

Таким образом, отношение Киннама к народным низам более сдержанное, чем Хониата. Это объясняется, видимо, не только диаметральной противоположностью мировоззрений двух ис-

ториков-современников, но и большей демократичностью взглядов Иоанна, находившегося на периферии придворного круга столичного чиновничества.

Киннам мало внимания уделяет экономическому положению народных масс и замалчивает негативные стороны финансовой политики Мануила I, который «изнурил и истощил» своих подданных «необыкновенными податями и поборами» (Joan. Cin. 265.5—18). Он пишет о нищих, наполнивших леса и горы Палестины, но это преимущественно паломники-латиняне (Ibid., 180.3—6), а крестьяне-бедняки упоминаются лишь вскользь (Ibid. 106.13—14). По вполне понятным причинам в сочинении придворного историографа притеснителями народа изображаются чиновники, но не сам император. Иоанн сочувствует тяжелому положению народных масс и с возмущением пишет о корыстолюбии знати, закабаляющей простой народ (Ibid. 275.15—17), ростовщичестве венецианцев (Ibid. 281. 7—10), самоуправстве чиновников, стремящихся выслужиться перед императором жестоким отношением к народу (Ibid. 298.15—16). Автор старательно фиксирует благодеяния василевса в пользу константинопольских низов: во время свадебных торжеств Мануила I в городе устраивается народный пир и показываются конные ристалища на ипподроме (Ibid. 211.7—13).

Благоразумное поведение богатых должно, по мнению Киннама, выражаться в постоянной помощи бедным. Образец такого совершенного социального поведения показывает супруга Иоанна II Ирина, которая все, что выдает ей василевс, не бережет в наследство детям, не расточает на роскошь, а щедро раздает каждому просящему (Ibid. 9.23—10.4) и всем нуждающимся (Ibid. 202.7—10). Социальное лицо просящих и нуждающихся довольно неопределенно. В равной степени ими могли быть и представители чиновной аристократии, и константинопольские нищие. Видимо, одним из принципов социальной жизни Ромейской державы, по Иоанну Киннаму, должна была стать взаимопомощь членов общества, сострадание и поддержка бедным со стороны более богатых в рамках традиционной византийской филантропии¹⁶.

Как представитель комниновского двора Иоанн политическим идеалом считает верную службу императору со стороны всех подданных и социальный мир в государстве. Беспрекословное подчинение своему господину — основное требование модели политического поведения, которую Иоанн предлагает социальным низам Византийской империи. Историк страшится действий разгневанного народа и как представитель господствующего класса не скрывает презрения к «толпе», поправшей законы повиновения и подчинения императору. Народное недовольство таит в себе опасность нежелательных социальных изменений и переворотов. Лучшую форму взаимоотношений василевса и народа автор видит в благодеяниях сверху и пол-

ном подчинении снизу. Социальное происхождение, служебное положение и ориентация на античную историографическую традицию мешают Киннаму сделать народ объектом более пристального внимания. Он сознательно избирает главным предметом своего сочинения «деяния» Иоанна II и Мануила I, решительно отбрасывая «все, что входит в общественную жизнь людей» (*hosa eis ton koinon hekei ton anthropon bion* — Ibid. 4.11—12).

Вряд ли, приступив к написанию исторического сочинения, Киннам надеялся на его широкое обнародование, вследствие чего не мог ставить себе задачу апелляции к военным слоям¹⁷. Сочинение создавалось скорее всего в политико-дидактических целях: для воспитания юного Алексея II. Переворот Андроника I, ставшего соправителем Алексея II, полностью нарушил честолюбивые замыслы историографа, надеявшегося посредством своего сочинения оказать воздействие на молодого императора или, по крайней мере, улучшить свое материальное и служебное положение. В «Сокращенном изложении» были слишком откровенные выпады против Андроника I. Киннам, к счастью, не попал в число наставников молодого императора, иначе его могла бы постигнуть судьба писца Алексея Мамала, сожженного вместе с книгами, в которых говорилось о «будущих императорах» и тем самым в Алексее II «возбуждалось желание царствовать» (Nic. Chop. 403.20—404.5).

Тем более важно, что, несмотря на груз социальных предубеждений, жесткие рамки избранной темы и ответственность официального историографа, Иоанну иногда удается преодолеть классовую неприязнь к народным массам. Он отстаивает свободу городской бедноты, терпимо относится к демосу и охлосу как столицы, так и провинциальных городов, с пониманием пишет о человеческих слабостях низов византийской империи.

Отношение к народным массам у Киннама отличается большей сдержанностью и доброжелательностью, чем у Никиты Хониата, пережившего высокий накал классовых противоречий в Византии накануне и в период падения Константинополя в 1204 г.

Итак, анализ воззрений Иоанна Киннама на социальные низы Византии позволяет не только более конкретно представить социально-политические взгляды автора «Сокращенного изложения», но и увидеть некоторые типичные черты социальной психологии и политического сознания низших слоев придворного византийского чиновничества второй половины XII в.

¹ Подробнее о Киннаме см.: Грот К. Я. Из истории Угрии и славянства в XII в. Варшава, 1889. С. XIII—XVI; Фрейденберг М. М. Труд Киннама как исторический источник // ВВ. 1959. Т. 16. С. 29—51; Chalan-

don F. Le Comnène: Jean Comnène et Manuel Comnène. P., 1912. P. XIV—XXIII; **Ostrogorsky G.** History of the Byzantine State. Oxford, 1956. P. 311; **Moravcsik Gy.** Byzantinoturcica. B., 1958. Vol. 1. P. 324—327; **Hunger H.** Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. S. 409—415; **Kinnamos Jean.** Chronique / Trad. par J. Rosenblum. P., 1972; **Kinnamos Jean.** Deeds of John and Manuel Comnenus / Transl. by Ch. M. Brand. N.Y., 1976; **Asdracha C.** L'image de l'homme occidentale à Byzance: Le Témoignage de Kinnamos et de Choniates // BS. 1983. Vol. 44. P. 31—40.

² **Ioannis Cinnami.** Epitome rerum / Rec. A. Meineke. Bonnæ, 1836. 13. 21—14. 1. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

³ **Nicetas Choniates.** Historia. Bonnæ, 1835. 241. 20—242. 1. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

⁴ См.: **Moravcsik Gy.** Op. cit. S. 325; **Фрейденберг Л. А., Попова Т. В.** Византийская литература эпохи расцвета IX—XV вв. М., 1978. С. 139—140.

⁵ Род Киннамов возникает в X в. (**Beck H.-G.** Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971. S. 72. Anm. 3) и уже упоминается в сочинении М. Пселла. См.: **Garzya A.** Versi e un opuscolo ineiti di Michele Psello. Napoli, 1966. P. 25. 2—3.

⁶ См.: **Любарский Я. Н.** Михаил Пселл: Личность и творчество: К истории византийского предгуманизма. М., 1978. С. 24.

⁷ Подробнее см.: **Dieten J.-L. van.** Nicetas Choniates // Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie. B.; N.Y., 1971. S. 1—60.

⁸ О Каматире подробнее см.: **Шандровская В. С.** Григорий Каматир и его печать в собрании Государственного Эрмитажа // ВВ. 1959. Т. 16. С. 173—182.

⁹ См.: **Regel W.** Fontes rerum byzantinorum. Petropoli, 1917. Т. 2. 193.20; 205.3.

¹⁰ **Bachmann M., Dölger F.** Die Rede des Megas Droungarios Gregorios Antiochos auf der Sebastokrator Konstantinos Angelos // BZ. 1940. Bd 40. S. 393. 10—13. О жизни и творчестве Григория Антиоха см.: ВВ. 1965. Т. 26. С. 77—99.

¹¹ **Успенский Ф. И.** Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891. С. 237.

¹² См.: **Moravcsik Gy.** Op. cit. S. 324.

¹³ См.: **Nicholas I** Patriarch of Constantinople: Lettres / Greek Text and English Transl. by R.J.H. Jenkins and L. C. Westerink. Wash., 1973. P. 364. Ep. 96.9—10.

¹⁴ См.: **Psello M.** Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976—1077) / Text établi et trad. par E. Renaud. P., 1926. Vol. 1. P. 27.6—15; **Пселл М.** Хронография / Пер., статья и примеч. Я. Н. Любарского. М., 1978. С. 19.

¹⁵ **Psello M.** Chronographie... Vol. 1. P. 95. 16—20. Ср.: **Пселл М.** Хронография... С. 57.

¹⁶ См.: **Constantelos D.** Byzantine Philantropy and Social Welfare. New Jersey, 1968.

¹⁷ См.: **Фрейденберг М. М.** Труд Киннама как исторический источник. С. 50.

Г. В. СМЕТАНИН
Уральский университет

КИПРСКОЕ ОБЩЕСТВО XIV в. ПО ДАННЫМ СЧЕТА ГЕРО, ЕПИСКОПА ПАФОССКОГО

Наука уже располагает поучительным опытом анализа счетов, связанных с кипрской историей. Так, счет 1318 г., касаю-